

Максим Горький

Егор Булычов и другие

Максим Алексеевич Горький Егор Булычов и другие

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172838*

Васса Железнова: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-16372-7

Аннотация

«Столовая в богатом купеческом доме. Тяжелая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь, выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричесанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова...»

Содержание

Действующие лица	4
Первый акт	6
Второй акт	30
Третий акт	64

Максим Горький

Егор Булычов и другие

Действующие лица

Егор Булычов.

Ксения – его жена.

Варвара – дочь от Ксении.

Александра – побочная дочь.

Мелания – игуменья, сестра жены.

Звонцов – муж Варвары.

Тятин – его двоюродный брат.

Мокей Башкин.

Василий Достигаев.

Елизавета – жена его.

дети от первой жены

Антонина

Алексей

Павлин – поп.

Доктор.

Трубач.

Зобунова – знахарка.

Пропотей – блаженный.

Глафира – горничная.

Таисья – служка Мелании.

Мокроусов – полицейский.

Яков Лаптев – крестник Булычова.

Донат – лесник.

Первый акт

Столовая в богатом купеческом доме. Тяжелая громоздкая мебель. Широкий кожаный диван, рядом с ним – лестница во второй этаж. В правом углу фонарь, выход в сад. Яркий зимний день. Ксения, сидя у стола, моет чайную посуду. Глафира, в фонаре, возится с цветами. Входит Александра, в халате, в туфлях на босую ногу, непричесанная, волосы рыжие, как и у Егора Булычова.

Ксения. Ох, Шурка, спишь ты...

Шура. Не шипите, не поможет. Глаша – кофе! А где газета?

Глафира. Варваре Егоровне наверх подала.

Шура. Принеси. На весь дом одну газету выписывают, черти!

Ксения. Это кто – черти?

Шура. Папа дома?

Ксения. К раненым поехал. Черти-то – Звонцовы?

Шура. Да, они. (*У телефона.*) Семнадцать – шестьдесят три.

Ксения. Вот я скажу Звонцовым-то, как ты их... че-стишь!

Шура. Позовите Тоню!

Ксения. До чего ты дойдешь?

Шура. Это ты, Антонина? На лыжах едем? Нет? Почему? Спектакль? Откажись! Эх ты, – незаконная вдова!.. Ну, хорошо.

Ксения. Как же это ты девушку-то вдовой зовешь?

Шура. Жених у нее помер или нет?

Ксения. Все-таки она – девушка.

Шура. А вы почему знаете?

Ксения. Фу, бесстыдница!

Глафира (*подает кофе*). Газету Варвара Егоровна сама принесет.

Ксения. Больно много ты знаешь для твоих лет. Гляди: меньше знаешь – крепче спишь! Я в твои годы ничего не знала...

Шура. Вы и теперь...

Ксения. Тьфу тебе!

Шура. Вот сестрица шествует важно. Бонжур, мадам! Комман са ва?¹

Варвара. Уже одиннадцать, а ты не одета, не причесана...

¹ Как дела? (*фр. Comment ça va?*)

Шура. Начинается.

Варвара. Ты все более нахально пользуешься тем, что отец балует тебя... и что он нездоров...

Шура. Это – ты надолго?

Ксения. А что ей отцово здоровье?

Варвара. Я должна буду рассказать ему о твоём поведении...

Шура. Заранее благодарна. Кончилось?

Варвара. Ты – дура!

Шура. Не верю! Это не я – дура.

Варвара. Рыжая дура!

Шура. Варвара Егоровна, вы совершенно бесполезно тратите энергию!

Ксения. Вот и учи ее!

Шура. И у вас портится характер.

Варвара. Хорошо... хорошо, милая! Мамаша, пойдете-ка в кухню, там повар капризничает...

Ксения. Он – не в себе, у него сына убили.

Варвара. Ну, это не резон для капризов. Теперь столько убивают...

Ушли.

Шура. А если б у нее красавца Андрюшу ухлопали, вот бы взвилась!

Глафира. Зря вы дразните их. Пейте скорее, мне

здесь убирать надо. *(Ушла, унося самовар.)*

Шура сидит, откинувшись на спинку стула, закрыв глаза, руки – на затылке рыжей лохматой головы.

Звонцов *(с лестницы, в туфлях, подкрался к ней, обнял сзади)*. О чем замечталась, рыжая коза?

Шура *(не открывая глаз, не шевелясь)*. Не трогайте меня.

Звонцов. Почему? Ведь тебе приятно? Скажи – да? Приятно?

Шура. Нет.

Звонцов. Почему?

Шура. Оставьте. Вы – притворяетесь. Я вам не нравлюсь.

Звонцов. А хочешь нравиться, да?

На лестнице – Варвара.

Шура. Если Варвара узнает...

Звонцов. Тише... *(Отшел, говорит поучительно.)* Н-да... Следует взять себя в руки. Надобно учиться...

Варвара. Она предпочитает говорить дерзости и пускать мыльные пузыри с Антониной.

Шура. Ну и пускаю. Люблю пускать пузыри. Что тебе – мыла жалко?

Варвара. Мне жалко – тебя. Я не знаю – как ты будешь жить? Из гимназии тебя попросили удалиться...

Шура. Неправда.

Варвара. Твоя подруга – полоумная.

Звонцов. Она хочет музыке учиться.

Варвара. Кто?

Звонцов. Шура.

Шура. Неправда. Я не хочу учиться музыке.

Варвара. Откуда же ты это взял?

Звонцов. Разве ты, Шура, не говорила, что хочешь?

Шура (уходя). Никогда не говорила.

Звонцов. Гм... Странно. Не сам же я выдумал это! Ты, Варя, очень сердито с ней...

Варвара. А ты слишком ласков.

Звонцов. Что значит – слишком? Ты же знаешь мой план...

Варвара. План – это план, но мне кажется, что ты подозрительно ласков.

Звонцов. Глупости у тебя в голове...

Варвара. Да? Глупости?

Звонцов. Сообрази сама: уместны ли в такое серьезнейшее время сцены ревности?

Варвара. Ты зачем сюда спустился?

Звонцов. Я? Тут... объявление одно в газете. И лесник приехал, говорит: мужики медведя обложили.

Варвара. Донат – в кухне. Объявление – о чем?

Звонцов. Это, наконец, возмутительно! Как ты говоришь со мной? Что я – мальчишка? Черт знает...

Варвара. Не кипятись! Кажется – отец приехал. А ты в таком виде.

Звонцов поспешно идет вверх, Варвара – встречать отца. Шура в зеленой теплой кофте и в зеленом колпаке бежит к телефону, ее перехватил и молча прижал к себе Булычов, за ним идет поп Павлин, в лиловой рясе.

Булычов (сел к столу, обняв Шуру за талию, она гладит его медные, с проседью, волосы). Народа перепортили столько, что страшно глядеть...

Павлин. Цветете, Шурочка? Простите, не поздоровался...

Шура. Это я должна была сделать, отец Павлин, но папа схватил меня, как медведь...

Булычов. Стой! Шурка, смирно! Куда теперь этот народ? А бесполезных людей у нас и до войны много-много было. Зря влезли в эту войну...

Павлин (вздыхнув). Соображения высшей власти...

Булычов. С японцами тоже плохо сообразили, и

получился всемирный стыд...

Павлин. Однако войны не токмо разоряют, но и обогащают как опытом, так равно и...

Булычов. Одни – воюют, другие – воруют.

Павлин. К тому же ничто в мире не совершается помимо воли божией, и – что значит ропот наш?

Булычов. Ты, Павлин Савельев, брось проповеди... Шурок, ты на лыжах бежать собралась?

Шура. Да, Антонину жду.

Булычов. Ну... ладно! Не уйдешь, так я тебя – минут через пяток – позову!

Шура убежала.

Павлин. Выровнялась как, отроковица...

Булычов. Телом – хороша, ловкая, а лицом – не удалась. Мать у нее некрасива была. Умная, как черт, а некрасива.

Павлин. Лицо у Александры Егоровны... своеобразное... и... не лишено привлекательности. Родительница – откуда родом?

Булычов. Сибирячка. Ты говоришь – высшая власть... от бога... и все такое, ну а Дума-то – как? Откуда?

Павлин. Дума, это... так сказать – допущение самой власти к умалению ее. Многие полагают, что да-

же – роковая ошибка, но священно-церковнослужителю не подобает входить в рассуждение о сих материях. К тому же в наши дни на духовенство возложена обязанность воспламенять дух бодрости... и углублять любовь к престолу, к отечеству...

Булычов. Воспламенили дух да в лужу и – бух...

Павлин. Как известно вам – убедил я старосту храма моего расширить хор певчих, а также беседовал с генералом Бетлингом о пожертвовании на колокол новостроящегося храма во имя небесного предстателя вашего, Егория...

Булычов. Не дал на колокол?

Павлин. Отказал и даже неприятно пошутил: «Медь, говорит, даже в полковых оркестрах – не люблю!» Вот вам бы на колокол-то хорошо пожертвовать по причине вашего недомогания?

Булычов (*вставая*). Колокольным звоном болезни не лечат.

Павлин. Как знать? Науке причины болезней неведомы. В некоторых санаториях иностранных музыкой лечат, слышал я. Тоже и у нас существует пожарный, он игрой на трубе пользует...

Булычов (*усмехаясь*). На какой трубе?

Павлин. На медной. Говорят, весьма большая труба!

Булычов. Ну, если – большая... Вылечивает?

Павлин. Будто бы успешно! Все может быть, высокопочтеннейший Егор Васильевич! Все может быть. В тайнах живем, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от разума нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, разумом только затемняется и даже – угашается...

Булычов (*вздыхая*). Эко слов-то у тебя сколько...

Павлин (*все более воодушевленно*). Возьмите, примерно, блаженного Прокопия, в какой радости живет сей муж, дурачком именуемый невегласами...

Булычов. Ну, ты опять, тово... проповедуешь! Прощай-ко. Устал я.

Павлин. Сердечно желаю доброго здоровья. Молитвенник ваш... (*Уходит.*)

Булычов (*щупая правый бок, подошел к дивану, ворчит*). Боров. Нажрался тела-крови Христовой... Глафира!.. Эй...

Варвара. Вы что?

Булычов. Ничего, Глафиру звал. Эк ты вырядилась! Куда это?

Варвара. На спектакль для выздоравливающих...

Булычов. И стеклышки на носу? Врешь, что глаза требуют, для моды носишь...

Варвара. Папаша, вы бы поговорили с Александрой, она ведет себя отчаянно, становится совершен-

но невыносимой..

Булычов. Все вы – хороши! Иди! *(Бормочет.)*
Невыносимы. Вот я... выздоровлю, я вас, вынесу!

Глафира. Звали?

Булычов. Звал. Эх, Глаха, до чего ты хороша! Здоровая! Каленая! А Варвара у меня – выдра!

Глафира *(заглядывая на лестницу)*. Ее счастье. Будь она красивой, вы бы и ее на постелю себе втащили.

Булычов. Дочь-то? Опомнись, дура! Что говоришь?

Глафира. Я знаю – что! Шуру-то тискаете, как чужую... как солдат!

Булычов *(изумлен)*. Да ты, Глафира, рехнулась! Ты что: к дочери ревнуешь! Ты о Шурке не смей эдак думать. Как солдат... Как чужую! А ты бывала у солдата в руках? Ну?

Глафира. Не к месту... не ко времени разговоры эти. Зачем звали?

Булычов. Доната пошли. Стой! Дай-ко руку. Любишь все-таки? И хворого?

Глафира *(припадая к нему)*. Горе ты мое... Да – не хворай ты! Не хворай... *(Оторвалась, убежала)*.

***Булычов хмуро улыбается,
облизывает губы. Качает головой. Лег.***

Донат. Доброго здоровья, Егор Васильевич!

Булычов. Спасибо. С чем прибыл?

Донат. С хорошим: медведя обложили.

Булычов (*вздыхнув*). Ну, это... для зависти, а не для радости. Мне теперь медведь – не забава. Лес-то рубят?

Донат. Помаленьку. Людей нет.

Входит Ксения. Нарядная, руки в кольцах.

Булычов. Ты что?

Ксения. Ничего. Ты бы, Егорий, не соблазнялся медведем-то, куда уж тебе охотиться.

Булычов. Помолчи. Нет людей?

Донат. Старики да мальчишки остались. Князю полсотни пленных дали, так они в лесу не могут работать.

Булычов. Они поди-ко с бабами работают.

Донат. Это – есть.

Булычов. Да... Баба теперь голодная.

Ксения. Слышно – большой разврат пошел по деревням...

Донат. Почему разврат, Аксинья Яковлевна? Мужиков – перебили, детей-то надобно родить? Выходит так: кто перебил, тот и народи...

Булычов. Похоже...

Ксения. Ну уж, какие дети от пленных! Хотя, конечно, ежели мужчина здоровый...

Булычов. А баба – дура, так ему от этой бабы детей иметь неохота.

Ксения. У нас бабы – умные. А здоровых-то мужиков всех на войну угнали, дома остались одни... адвокаты.

Булычов. Народу перепорчено – много.

Ксения. Зато остальные богаче жить будут.

Булычов. Сообразила!

Донат. Цари народом сыты не бывают.

Булычов. Как ты сказал?

Донат. Не бывают, говорю, цари народом сыты. Своих кормить нечем, а все хотим еще чужих завоевать.

Булычов. Верно. Это – верно!

Донат. Нельзя иначе понять – для какого смысла воюем? И вот бьют нас – за жадность.

Булычов. Правильно говоришь, Донат! Вот и Яков, крестник, тоже говорит: «Жадность всему горю начало». Он – как там?

Донат. Он – ничего. Умный он у вас.

Ксения. Нашел умника! Дерзкий он, а не умный.

Донат. От ума и дерзок, Аксинья Яковлевна. Он там, Егорий Васильич, дезертиров подобрал человек десяток, поставил на работу, ничего – работают. А то они воровством баловались.

Булычов. Н-ну, это... Мокроусов узнает – скандалить начнет.

Донат. Мокроусов – знает. Он даже рад. Ему – легче.

Булычов. Ну, смотри...

Звонцов сходит сверху.

Донат. Медведя, значит...

Булычов. Медведь – твое счастье.

Звонцов. Разрешите предложить медведя Бетлингу! Вы знаете, он оказывает нам...

Булычов. Знаю, знаю! Предлагай. А то – архиерею предложи!

Ксения (*усмехаясь*). Вот бы поглядеть, как архиерей в медведя стреляет.

Булычов. Ну, я устал. Прощай, Донат! А что-то нехорошо все, братец мой, а? Как я захворал, так и началось неладное...

Донат молча поклонился, уходит.

Аксинья, Шурку пошли мне. Ты чего мнешься, Андрей? Говори сразу!

Звонцов. Я по поводу Лаптева...

Булычов. Ну?

Звонцов. Мне стало известно, что он связался с... неблагонадежными людьми и на ярмарке в Копосове говорил мужикам противуправительственные речи.

Булычов. Брось! Ну какие теперь ярмарки? Какие мужики? И что вы все на Якова жалуетесь?

Звонцов. Но ведь он как бы член нашей семьи...

Шура вбегает.

Булычов. Как бы... Не очень-то вы его... своим считаете. Он вот и обедать по воскресеньям не приходит... Иди, Андрей... После расскажешь...

Шура. На Якова ябедничал?

Булычов. Это – не твое дело. Сядь сюда. На тебя тоже все жалуются.

Шура. Кто – все?

Булычов. Аксинья, Варвара...

Шура. Это еще не все.

Булычов. Я серьезно говорю, Шуренок.

Шура. Серьезно ты говоришь – не так.

Булычов. Дерзкая ты со всеми, ничего не делаешь...

Шура. Если ничего не делаю, так в чем же дерзкая?

Булычов. Не слушаешь никого.

Шура. Всех слушаю. Тошно слушать, рыжий!

Булычов. Сама – рыжая, хуже меня. Вот и со мной говоришь... неладно! Надобно тебя ругать, а не хочется.

Шура. Не хочется, значит – не надо.

Булычов. Ишь ты! Не хочется – не надо. Эдак-то жить легко бы, да нельзя!

Шура. А кто мешает?

Булычов. Всё... все мешают. Тебе этого не понять...

Шура. А ты – научи, чтобы поняла, чтобы мне не мешали...

Булычов. Ну, этому... не научишь. Ты что, Акси-нья? Что ты все бродишь, чего ищешь?

Ксения. Доктор приехал, и Башкин ждет. Александра, оправь юбку, как ты сидишь?

Булычов (*встает*). Ну, зови доктора. Лежать мне вредно, тяжелею от лежанья. Эх... Улепетывай, Шуренок! Ногу не вывихни, гляди!

Доктор. Здравствуйте! Как мы себя чувствуем?

Булычов. Неважно. Плоховато лечишь, Нифонт Григорьевич.

Доктор. Нуте-ко, пойдёмте к вам...

Булычов (*идя рядом с ним*). Ты давай мне самые злые, самые дорогие лекарства: мне, брат, обязательно выздороветь надо! Вылечишь – больницу построю, старшим будешь в ней, делай что хочешь...

Ушли. Ксения, Башкин.

Ксения. Что сказал, доктор-то?

Башкин. Рак, говорит, рак в печенке...

Ксения. Ух ты, господи! Что выдумают!

Башкин. Болезнь, говорит, опасная.

Ксения. Ну конечно! Всякий свое дело самым трудным считает.

Башкин. Не вовремя захворал! Кругом деньги падают, как из худого кармана, нищие тысячами становятся, а он...

Ксения. Да, да! Так богатеют люди, так богатеют!

Башкин. Достигаев до того растучнел, что весь незастегнутый ходит, а говорить может только тысячами. А у Егора Васильевича вроде затмения ума начинается... Намедни говорит: «Жил, говорит, я мимо настоящего дела». Что это значит?

Ксения. Ох, и я замечаю – нехорошо он говорит!

Башкин. А ведь он на твоём с сестрой капитале жить начал. Должен бы приумножать.

Ксения. Ошиблась я, Мокей, давно знаю – ошиблась. Вышла замуж за приказчика, да не за того. Кабы за тебя вышла – как спокойно жили бы! А он... Господи! Какой озорник! Чего я от него ни терпела. Дочь прижил на стороне да посадил на мою шею. Зятя выбрал... из плохих – похуже. Боюсь я, Мокей Петрович, обойдут, облапошат меня зять с Варварой, пустят по миру...

Башкин. Все возможно. Война! На войне – ни стыда, ни жалости.

Ксения. Ты – старый наш слуга, тебя батюшка мой на ноги поставил, ты обо мне подумай...

Башкин. Я и думаю.

Звонцов идет.

Звонцов. Что, доктор – ушел?

Ксения. Там еще.

Звонцов. Мокей Петрович, как – сукно?

Башкин. Не принимает Бетлинг.

Звонцов. А сколько надобно дать ему?

Башкин. Тысяч... пяток, не меньше.

Ксения. Экий грабитель! А ведь старик!

Звонцов. Через Жанну?

Башкин. Да уж как установлено.

Ксения. Пять тысяч! За что? А?

Звонцов. Теперь деньги дешевы.

Ксения. В чужом-то кармане...

Звонцов. Тесть согласен?

Башкин. Вот, я пришел узнать, согласен ли...

Доктор (*вышел – берет Звонцова под руку*). Ну-с, вот что...

Ксения. Ох, порадуите нас...

Доктор. Больной должен лежать, возможно больше. Всякие дела, волнения, раздражения – крайне вредны для него. Покой и покой! Затем... (*Шепчет Звонцову.*)

Ксения. А мне почему нельзя сказать? Я – жена!

Доктор. О некоторых вещах с дамами говорить неудобно. (*Снова шепчет.*) Сегодня же вечером и устроим.

Ксения. Что это вы устроите?

Доктор. Консилиум, совет докторов.

Ксения. Ба-атюшки...

Доктор. Это – не страшно. Ну-с, до свидания! (*Уходит.*)

Ксения. Строгий какой... Туда же! За пять минут пять целковых берет. Шестьдесят рублей в час... вот как!

Звонцов. Он говорит – операция нужна...

Ксения. Резать? Ну, уж это – нет! Нет, уж резать я не позволю...

Звонцов. Послушайте, это – невежественно! Хирургия, наука...

Ксения. Плевать мне на твою науку! Вот тебе! Ты тоже невежливо говоришь со мной.

Звонцов. Я говорю не о приличиях, а о вашей темноте...

Ксения. Сам не больно светел!

***Звонцов, махнув рукой, отошел
прочь. Глафира бежит.***

Куда?

Глафира. Звонок из спальни...

Ксения идет вместе с ней к мужу.

Звонцов. Не вовремя заболел тесть.

Башкин. Да. Стесняет. Время такое, что умные люди, как фокусники, прямо из воздуха деньги достают.

Звонцов. Н-да. К тому же революция будет.

Башкин. Это я не одобряю. Была она в пятом году. Бестолковое дело.

Звонцов. В пятом был – бунт, а не революция. То-

гда крестьяне и рабочие дома были, а теперь – на фронтах. Теперь революция будет против чиновников, губернаторов, министров.

Башкин. Если бы так – давай бог! Чиновники хуже клещей, вцепятся, не оторвешь...

Звонцов. Царь явно не способен править.

Башкин. Поговаривают об этом и в купечестве. Будто мужик какой-то царицу обошел!

Варвара на лестнице, слушает.

Звонцов. Да. Григорий Распутин.

Башкин. Не верится в колдовство.

Звонцов. А – в любовников – верите?

Башкин. На сказку похоже. У нее – генералов – сотни.

Варвара. Глупости какие говорите вы.

Башкин. Все так говорят, Варвара Егоровна. Я все-таки полагаю, что без царя – нельзя!

Звонцов. Царь должен быть не в Петрограде, а – в голове. Кончился спектакль?

Варвара. Отложили. Приехал какой-то ревизор, – вечером эшелон раненых будет, около пятисот. А места для них нет.

Глафира. Мокей Петрович, вас зовут.

***Башкин ушел, оставив на
столе теплый картуз.***

Варвара. Что ты с ним откровенничаешь? Ты же знаешь, что он шпионит за нами для матери! Картуз этот он лет десять носит, жадюга! Просален весь. Не понимаю, почему ты с этим жуликом...

Звонцов. Ах, оставь! Хочу занять у него денег на взятку Бетлингу...

Варвара. Но я же тебе сказала, что все это устроит Лиза Достигаева через Жанну! И обойдется – дешево...

Звонцов. Надует тебя Лизавета...

Ксения (*из комнаты мужа*). Уговорите вы его, чтобы лежал! Он там ходит и Мокея ругает... Ах, господи!..

Звонцов. Поди ты, Варя...

Булычов (*в халате, в валяных туфлях*). Ну, и что еще? Несчастливая война?

Башкин (*идя за ним*). Кто же спорит?

Булычов. Для кого несчастная?

Башкин. Для нас.

Булычов. Для кого – для нас? Ты же говоришь: от войны миллионы наживают? Ну?

Башкин. Для народа... значит...

Булычов. Народ – мужик, ему – все равно: что жить, что умирать. Вот какая твоя правда!

Ксения. Да – не сердись ты! Вредно тебе...

Башкин. Ну, что вы? Какая же это правда?

Булычов. Самая настоящая! Это и есть правда. Я говорю прямо: мое дело – деньги наживать, а мужиково – хлеб работать, товары покупать. А какая другая правда есть?

Башкин. Конечно, это – так, а все-таки...

Булычов. Ну, а что – все-таки? Ты о чем думаешь, когда ворует у меня?

Башкин. Зачем же вы обижаете?

Ксения. Ну, что ты, Варя, глядишь? Уговори его! Ему лежать велено.

Булычов. Ты – о народе думаешь?

Башкин. И – при людях обижаете! Ворую! Это надо доказать!

Булычов. Доказывать нечего. Всем известно: воровство дело законное. И обижать тебя – незачем. От обиды ты не станешь лучше, хуже станешь. И ворует – не ты – рубль ворует. Он, сам по себе, есть главный вор...

Башкин. Это один Яков Лаптев может говорить.

Булычов. Вот он и говорит. Ну, ступай. А взятку Бетлингу не давать. Довольно давали, хватит ему на гроб, на саван, старому черту! Вы что тут собрались?

Чего ждете?

Варвара. Мы ничего не ждем...

Булычов. Будто – ничего? Когда – так, идите по своим делам. Дело-то у вас – есть? Аксинья, скажи, чтоб у меня проветрили. Душно там, кислыми лекарствами пахнет. Да – пускай Глафира квасу клюквенного принесет.

Ксения. Нельзя тебе квасу-то.

Булычов. Иди, иди! Я сам знаю, чего нельзя, что можно.

Ксения (уходя). Кабы знал...

Все ушли.

Булычов (обошел вокруг стола, придерживаясь за него рукой. Смотрит в зеркало, говорит почти во весь голос). Плохо твое дело, Егор. И рожа, брат, у тебя... не твоя какая-то!

Глафира (с подносом, на нем стакан молока). Вот вам молоко.

Булычов. Тащи кошке. А мне – квасу. Клюквенного.

Глафира. Квасу вам не велят давать.

Булычов. Они не велят, а ты – принеси. Стой! Как по-твоему – умру я?

Глафира. Не может этого быть.

Булычов. Почему?

Глафира. Не верю.

Булычов. Не веришь? Нет, брат, дело мое – плохо!

Очень плохо, я знаю!

Глафира. Не верю.

Булычов. Упряма. Ну, давай квасу! А я померанцевой выпью... Она – полезная. *(Идет к буфету.)* Заперли, черти. Эки свиньи! Оберегают. Похоже, что я заключенный. Арестант... вроде.

Занавес

Второй акт

Гостиная Булычевых. Звонцов и Тятин – в углу, за маленьким круглым столом, на столе бутылка вина.

Звонцов (закуривая). Понял?

Тятин. По чести говоря, Андрей, не нравится мне это...

Звонцов. А – деньги нравятся?

Тятин. Деньги, к сожалению, нравятся.

Звонцов. Ты – кого жалеешь?

Тятин. Себя, разумеется...

Звонцов. Есть чего жалеть!

Тятин. Все-таки, знаешь, я сам себе – единственный друг.

Звонцов. Ты бы не философствовал, а – думал.

Тятин. Я – думаю. Девица она избалованная, трудно будет с ней.

Звонцов. Разведешься.

Тятин. А деньги-то у нее останутся...

Звонцов. Сделаем так, что у тебя будут. А Шурку я берусь укротить...

Тягин. По чести сказать...

Звонцов. ...Так, что ее поторопятся выдать замуж и приданое будет увеличено.

Тягин. Это ты... остроумно! А какое приданое?

Звонцов. Пятьдесят.

Тягин. Тысяч?

Звонцов. Пуговиц.

Тягин. Верно?

Звонцов. Но ты подпишешь мне векселей на десять.

Тягин. Тысяч?

Звонцов. Нет, рублей! Чудак!

Тягин. Мно-ого...

Звонцов. Тогда – прекратим беседу.

Тягин. А ты... все это серьезно?

Звонцов. Несерьезно о деньгах только дураки говорят...

Тягин (*усмехаясь*). Черт возьми... Замечательно придумано.

Входит Достигаев.

Звонцов. Рад, что ты, кажется, что-то понимаешь. Тебе, интеллигенту-пролетарию, нельзя в эти лютые дни...

Тягин. Да, да, конечно! Но – мне пора в суд.

Достигаев. Чем ты расстроен, Степаша?

Звонцов. Мы – о Распутине вспомнили.

Достигаев. Вот – участь, а? Простой, сибирский мужик – с епископами, министрами в шашки играл! Сотнями тысяч ворочал! Меньше десяти тысяч взятки – не брал! Из верных рук знаю – не брал! Вы что пьете? Бургонское? Это вино тяжелое, его за обедом надо пить, некультурный народ!

Звонцов. Как вы нашли тестя?

Достигаев. А – чего же его искать, – он не прятался. Ты, Степаша, принес бы стаканчик мне.

Тягин не торопясь уходит.

А Булычов, надо прямо сказать, в плохом виде! В опасном положении он...

Звонцов. Мне тоже кажется, что...

Достигаев. Да, да! Это самое. И при этом боится он умереть, а потому – обязательно умрет. И ты этот факт – учти! Дни нашей жизни такие, что ротик разевать нельзя, ручки в карманах держать – не полагается. Государственный плетень со всех сторон свиньи подрывают, и что будет революция, так это даже губернатор понимает...

Тягин (входит). Егор Васильевич в столовую вышел.

Достигаев (*берет стакан*). Спасибо, Степаша. Вышел, говоришь? Ну, и мы туда...

Звонцов. Промышленники, кажется, понимают свою роль...

Идут – Варвара, Елизавета.

Достигаев. Московские-то? Еще бы не понимали!

Елизавета. Они пьют, как воробушки, а там Булычов рычит – слушать невозможно!

Достигаев. Почему Америка процветает? Потому, что там у власти сами хозяева...

Варвара. Жанна Бетлингова совершенно серьезно верит, что в Америке кухарки на рынок в автомобилях ездят.

Достигаев. Вполне возможно. Хотя... наверное, вранье. А ты, Варгоша, все с военными? Хочешь быть подполковником?

Варвара. Ух, как старо! Вы о чем мечтаете, Тятин?

Тятин. Да... так, вообще...

Елизавета (*перед зеркалом*). Вчера Жанна рассказала мне анекдот – изумительный! Как цветок!

Достигаев. А ну, а ну – какой?

Елизавета. При мужчинах – нельзя.

Достигаев. Хорош цветок!

Варвара что-то шепнула Елизавете.

Елизавета. Муж! Ты тут будешь сидеть до дна бутылки?

Достигаев. А – кому я мешаю?

Елизавета (*Тятину*). Вы, Степочка, знаете псалом: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста»?

Тятин. Что-то такое помню...

Елизавета (*берет его под руку*). Вот эти, все – они и есть нечестивые грешники, а вы тихий юноша для лупы, любви и прочего, да? (*Уводит.*)

Достигаев. Экая болтушка!

Варвара. Василий Ефимович, мать и Башкин звали тетку Меланию.

Достигаев. Игуменью? У-у, это зверь серьезный! Она будет против фирмы Достигаев и Звонцов, она – против! Она за вывеску – Ксения Булычова и Достигаев...

Звонцов. Она может потребовать деньги из дела.

Достигаев. Маланьиных денег – сколько? Семьдесят тысяч?

Звонцов. Девяносто.

Достигаев. Все-таки это – куш! Личные или монастыря?

Варвара. Как это узнаешь?

Достигаев. Узнать – можно. Узнать – все можно! Вот – немцы, они знают не только число солдат у нас на фронте, а даже – сколько вшей на каждом солдате.

Варвара. Вы бы серьезно что-нибудь сказали...

Достигаев. Милая Варюша, нельзя ни торговать, ни воевать, не умея сосчитать, сколько денег в кармане. Про Маланьины деньги узнать можно так: имеется дама Секлетея Полубояринова, она – участница ночных бдений владыки Никандра, а Никандр – всякие деньги любит считать. Кроме того, есть один человек в епархиальном совете, – мы его оставим в резерве. Ты, Варюша, возьмишь переговори с Полубояриновой, и ежели окажется, что деньжата – монастырские, ну, – сами понимаете! Куда это красавица моя ускользнула?

Глафира. Просят в столовую.

Достигаев. Спешим. Нуте-с, пошли?

Варвара (*будто бы зацепилась подолом за кресло*). Андрей, помоги же! Ты ему веришь?

Звонцов. Нашла дурака.

Варвара. Ах, какой жулик! С теткой я придумала неплохо. А что с Тятиным?

Звонцов. Уломаю.

Варвара. С этим надо торопиться.

Звонцов. Почему?

Варвара. Да ведь после похорон – нужно будет долго ждать. А у отца – и сердце слабое... Кроме того, у меня есть другие причины.

***Ушли. Навстречу Глафира, смотрит
вслед им с ненавистью, собирает
сосуду со столика. Лаптев входит.***

Глафира. А вчера был слух, что ты арестован.

Лаптев. Да ну? Это, должно быть, неверно.

Глафира. Все шутишь.

Лаптев. Есть – нечего, да – жить весело.

Глафира. Свернешь башку на шуточках-то.

Лаптев. За хорошие шутки не бьют, а хвалят, стало быть, попадет Яшутке за плохие шутки.

Глафира. Мели, Емеля! Там, у Шуры, Тонька Достигаева.

Лаптев. Брр, ее – не надо!

Глафира. Позову Шуру – сюда, что ли?

Лаптев. Дельно. А как Булычов?

Глафира (*гневно*). Какой он тебе Булычов! Он – отец крестный твой!

Лаптев. Не сердись, тетя Глаша.

Глафира. Плохо ему.

Лаптев. Плохо? Постой, постой! Голодно живут приятели мои, тетя Глаша, не достанешь ли муки, пу-

да два, а то и мешок?

Глафира. Что же – воровать у хозяев буду для тебя?

Лаптев. Да ведь уже не первый раз! Все равно – и раньше грешила, грех – на мне! Ребятам, ей-богу, кушать охота! Тебе же в доме этом за труд твой принадлежит больше, чем хозяевам.

Глафира. Слыхала я эти сказки твои! Завтра утром Донату будут отправлять муку, мешок возьмешь у него. *(Уходит.)*

Лаптев. Вот спасибо! *(Сел на диван, зевнул до слез, отирает слезы, осматривается.)*

Ксения *(идет, ворчит)*. Бегают, как черти от лада-на...

Лаптев. Здравствуйте...

Ксения. Ой! Ох, что ты тут сидишь?

Лаптев. А надо – ходить?

Ксения. То – нигде нет его, то вдруг придет! Как в прятки играешь. Отец-то крестный – болеет, а тебе хоть бы что...

Лаптев. Заболеть надо мне, что ли?

Ксения. Все вы с ума сошли, да и других сводите. Понять нельзя ничего! Вон, слышь, царя хотят в клетку посадить, как Емельку Пугачева. Врут, что ли, грамотей?

Лаптев. Все возможно, все!

Глафира. Аксинья Яковлевна, на минутку.

Ксения. Ну, что еще? Покоя нет... о, господи...

(Ушла.)

Шура *(вбегают)*. Здравствуй!

Лаптев. Шуручка, в Москву еду, а денег нету – выручай!

Шура. У меня тридцать рублей...

Лаптев. Пятьдесят бы, а?

Шура. Достану.

Лаптев. Вечером, к поезду? Можно?

Шура. Да. Слушай: революция будет?

Лаптев. Да она же началась! Ты – что, газет не читаешь?

Шура. Я – не понимаю газет.

Лаптев. Спроси Тятин.

Шура. Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Лаптев. Вот те раз! Ты же почти полгода ежедневно видишь его.

Шура. Он честный?

Лаптев. Да... ничего, честный.

Шура. Почему ты говоришь нерешительно?

Лаптев. Мямля он. Мутноватый такой. Обижен, что ли?

Шура. Кем?

Лаптев. Из университета вышибли со второго курса. Работает у брата письмоводителем, а брат...

Шура. Звонцов – жулик?

Лаптев. Либерал, кадет, а они вообще жуликоваты. Деньги ты Глафире передай, она доставит.

Шура. Глафира и Тятин помогают тебе?

Лаптев. В чем?

Шура. Не финти, Яшка! Ты понимаешь. Я тоже хочу помогать, слышишь?

Лаптев (*удивлен*). Что это ты, девушка, как будто только сегодня проснулась?

Шура (*гневно*). Не смей издеваться надо мной! Ты – дурак!

Лаптев. Возможно, что и дурак, но все-таки я хотел бы понять...

Шура. Варвара идет!

Лаптев. Ну, я ее не желаю видеть.

Шура. Идем... Скорей.

Лаптев (*обняв ее за плечи*). В самом деле – что с тобой?

Ушли, затворив за собой дверь.

Варвара (*слышит, как щелкнул замок двери, подошла к ней, повертела ручку*). Это ты, Глафира?

Пауза.

Там есть кто-нибудь? Таинственно... (*Быстро уходит.*)

Шура тащит за руку Доната.

Донат. Ну, куда ты меня, Шурок...

Шура. Стой! Говори: отца в городе уважают?

Донат. Богатого везде уважают. Озоруешь ты все...

Шура. Уважают или боятся?

Донат. Не боялись бы, так не уважали.

Шура. А – любят за что?

Донат. Любят? Не знаю.

Шура. А – знаешь, что любят?

Донат. Его? Как сказать? Извозчики – как будто любят, он с ними не торгуется, сколько спросят, столько и дает. А извозчик, он, конечно, другому скажет, ну и...

Шура (*притопнув ногой*). Ты смеешься?

Донат. Зачем? Я правду объясняю.

Шура. Ты стал злой. Ты совсем другой стал!

Донат. Ну, где уж мне другим быть! Опоздал я.

Шура. Ты хвалил мне отца.

Донат. Я его и не хаю. У всякой рыбы своя чешуя.

Шура. Все вы – врите.

Донат (*понуриясь, вздыхая*). Ты – не сердись, сердцем ничего не докажешь.

Шура. Уходи! Слушай, Глафира... Ну, кто-то лезет. (*Спряталась в драпировку.*)

***Входит Алексей Достигаев,
щеголь, в галифе, шведской
куртке, весь в ремнях и карманах.***

Алексей. Вы все хорошеете, Глаша.

Глафира (*угрюмо*). Приятно слышать.

Алексей. А мне – неприятно. (*Встал на дороге Глафиры.*) Не нравится мне хорошее, если оно не мое.

Глафира. Пропустите, пожалуйста.

Алексей. Сделайте одолжение. (*Позевнув, смотрит на часы.*)

***Входит Антонина,
несколько позднее – Тятин.***

Шура. Ты, кажется, и за горничными ухаживаешь?

Антонина. Ему – все равно, хоть за рыбами.

Алексей. Горничные, если их раздеть, ни в чем не уступают барыням.

Антонина. Слышишь? Он теперь всегда говорит такое, точно не на фронте жил, а в кабаке...

Шура. Да, раньше он был такой же ленивый, но не такой храбрый на словах.

Алексей. Я – и на деле.

Антонина. Ах, как врет! Он – трус, трус! Страшно боится, что его соблазнит мачеха.

Алексей. Что ты сочиняешь? Дурочка!

Антонина. И отвратительно жадный. Ты знаешь, я ему плачу рубль двадцать копеек за тот день, когда он не скажет мне какой-нибудь гадости. Он – берет!

Алексей. Тятин! Вам нравится Антонина?

Тятин. Да. Очень.

Шура. А – я?

Тятин. Говоря правду...

Шура. Ну да, конечно, правду!

Тятин. Вы – не очень.

Шура. Вот как? Это правда?

Тятин. Да.

Антонина. Не верь, он сказал, как эхо.

Алексей. Вы бы, Тятин, женились на Антонине. Мне она надоела.

Антонина. Какой болван! Уйди! Ты похож па беременную прачку.

Алексей (*обняв ее за талию*). Ох, какая аристо-

кратка! Не гризе па ле семиачки, се моветон².

Антонина. Оставь меня!

Алексей. С удовольствием! (*Танцует с ней.*)

Шура. Может быть, я совсем не нравлюсь вам, Тятин?

Тятин. А зачем вы хотите знать это?

Шура. Надо. Интересно.

Алексей. Ты что мямлишь? Она замуж за тебя напрашивается. Теперь все девицы торопятся быть вдовами героев. Ибо – паек, ореол и пенсия.

Антонина. Он уверен, что это остроумно!

Алексей. Пойду по своей стезе. Тонька, проводи меня до прихожей.

Антонина. Не хочу!

Алексей. Мне нужно. Серьезно, идем!

Антонина. Наверное, какая-нибудь глупость.

Шура. Тятин, вы – правдивый человек?

Тятин. Нет.

Шура. Почему?

Тятин. Невыгодно.

Шура. Если вы так говорите, – значит, вы правдивый. Ну, теперь скажите сразу: вам советуют свататься ко мне?

Тятин (*закуривая, не сразу*). Советуют.

Шура. А вы понимаете, что это плохой совет?

² Это дурной тон (*фр.* c'est mauvais ton).

Тятин. Понимаю.

Шура. Да, вы... Вот не ожидала! Я думала, вы...

Тятин. Скверно думали, должно быть?

Шура. Нет, вы... замечательный! А может быть, вы – хитрый, да? Вы играете на правду? Чтобы околпачить меня?

Тятин. Это мне – не по силам. Вы – умная, злая, озорная, совсем как ваш отец; по совести говоря – я вас боюсь. И рыжая вы, как Егор Васильевич. Вроде пожарного факела.

Шура. Тятин, вы – молодец! Или – страшная хитрюга...

Тятин. И лицо у вас – необыкновенное...

Шура. Это – о лице – для смягчения удара? Нет, вы хитрый!

Тятин. Думайте как хотите. По-моему, вы обязательно сделаете что-нибудь... преступное! А я привык жить кверху лапками – знаете, как виноватые кутята...

Шура. В чем виноватые?

Тятин. Не знаю. В том, что кутята, и – зубов нет, кусить не могут.

Антонина (*входит*). Дурак Алешка страшно больно дернул меня за ухо. И деньги отобрал, как жулик! Знаешь, он сопьется, это – наверное! Мы с ним такие никчemuшные, купеческие дети. Тебе – смешно?

Шура. Тоня, – забудь все плохое, что я тебе гово-

рила о нем!

Антонина. О Тятине? А – что ты говорила? Я не помню.

Шура. Ну, что он свататься хочет ко мне.

Антонина. Почему это плохо?

Шура. Из-за денег.

Антонина. Ах, да! Ну, это – свинство, Тятин!

Шура. Жаль, не слышала ты, как он отвечал на мои вопросные слова.

Антонина. Варумные слова. Помнишь «Варум»³ Шуберта?

Тятин. Разве Шуберта?

Антонина. Варум очень похоже на птицу марабу, такая мрачная птица... в Африке.

Шура. Что ты сочиняешь?

Антонина. Я все больше люблю страшное. Когда страшно, то уже – не скучно. Полюбила сидеть в темноте и ждать, что приползет огромный змей.

Тятин (*усмехаясь*). Это – который был в раю?

Антонина. Нет, страшнее.

Шура. Ты – занятная. Всегда выдумываешь что-нибудь новое, а все говорят одно и то же: война – Распутин – царица – немцы, война – революция...

Антонина. Ты будешь актрисой или монахиней.

Шура. Монахиней? Ерунда!

³ «Отчего» (*нем. Warum*)

Антонина. Это очень трудно быть монахиней, нужно играть всегда одну роль.

Шура. Я хочу быть кокоткой, как Нана у Золя.

Тятин. Вот как вы говорите! Ф-фу!

Шура. Мне – развращать хочется; мстить.

Тятин. Кому? За что?

Шура. За то, что я – рыжая, за то, что отец болен... за все! Вот когда начнется революция, я развернусь! Увидишь.

Антонина. Ты веришь, что будет революция?

Шура. Да! Да!

Тятин. Революция – будет.

Глафира. Шура, приехала мать Мелания, Егор Васильевич хочет принять ее здесь.

Шура. Ух – тетка! Бежим ко мне, дети! Тятин, – вы очень уважаете вашего брата?

Тятин. Он мне – двоюродный.

Шура. Это не ответ.

Тятин. Кажется – родственники вообще мало уважают друг друга.

Шура. Вот это – ответ!

Антонина. Бросьте говорить о скучном.

Шура. Вы очень смешной, Тятин!

Тятин. Ну, что ж делать?

Шура. И одевайтесь вы смешно.

Ушли. Глафира отпирает дверь, скрытую драпировкой. В дверях, куда ушла молодежь, – Булычов. Медленно и важно входит игуменья Мелания, с посохом в руке. Глафира стоит, наклоня голову, придерживая драпировку.

Мелания. Ты все еще здесь трешься, блудодейка? Не выгнали тебя? Ну, скоро выгонят.

Булычов. Ты тогда в монахини возьми ее, у нее – деньги есть.

Мелания. А-а, ты – здесь? Ой, Егор, как тебя перевернуло, помилуй бог!

Булычов. Глаха, закрой двери да скажи, чтоб сюда не лезли. Садись... преподобная! Об каких делах поговорим?

Мелания. Не помогают доктора-то? Видишь: господь терпит день, терпит год и век...

Булычов. О господе – после, давай сначала о деле. Я знаю, о деньгах твоих говорить приехала.

Мелания. Деньги не мои, а – обители.

Булычов. Ну – все едино: обители, обидели, грабители. Тебя чем деньги беспокоят? Боишься – умру – пропадут?

Мелания. Пропасть они – не могут, а не хочу, чтоб в чужие руки попали.

Булычов. Так, вынуть хочешь из дела? Мне – все равно – вынимай. Но – гляди – проиграешь! Теперь рубли плодятся, как воши на солдатах. А я – не так болен, чтобы умереть...

Мелания. Не ведаем ни дня, ни часа, егда придет смерть. Завещание-то духовное-то написал?

Булычов. Нет!

Мелания. Пора. Напиши! Вдруг – позовет господь...

Булычов. А зачем я ему?

Мелания. Дерзости свои – оставь! Ты – знаешь, слушать их я не люблю, да и сан мой...

Булычов. А ты – полно, Малаша! Мы друг друга знаем и на глаз и на ощупь. Деньги можешь взять, у Булычева их – много!

Мелания. Вынимать капитал из дела я не желаю, а векселя хочу переписать на Аксиною, вот и – преудреждаю.

Булычов. Так. Ну, это – твое дело! Однако в случае моей смерти Звонцов Аксиною облапошит. Варвара ему в этом поможет...

Мелания. Вот как ты заговорил? По-новому будто? Злости не слышно.

Булычов. Я злюсь в другую сторону. Вот, давай-ко, поговорим теперь о божь-то, о господе, о душе.

Смолоду много бито, граблено,
Под старость надобно душу спасать...

Мелания. Ну... что ж, говори!

Булычов. Ты вот богу служишь днем и ночью, как, примерно, Глафира – мне.

Мелания. Не богохуль! С ума сошел? Глафира-то как тебе по ночам служит?

Булычов. Рассказать?

Мелания. Не богохуль, говорю! Опомнись!

Булычов. Не рычи! Я же просто говорю, не казенными молитвами, а человеческими словами. Вот – Глафире ты сказала: скоро ее выгонят. Стало быть, веришь: скоро умру. Это – зачем же? Васька Достигаев на девять лет старше меня и намного жуликоватее, а здоров и будет жить. Жена у него – первый сорт. Конечно, я – грешник, людей обижал и вообще... всячески грешник. Ну – все друг друга обижают, иначе нельзя, такая жизнь.

Мелания. Ты не предо мной, не пред людьми кайся, а перед богом! Люди – не простят, а бог – милостив. Сам знаешь: разбойники, в старину, как грешили, а воздадут богу богово и – спасены!

Булычов. Ну да, ежели украл да на церковь дал, так ты не вор, а – праведник.

Мелания. Его-ор! Кощунствуешь, слушать не буду! Ты – не глуп, должен понять: господь не допустит – дьявол не соблазнит.

Булычов. Ну – спасибо!

Мелания. Это что еще?

Булычов. Успокоила. Выходит, что господь вполне свободно допускает дьявола соблазнять нас, – значит, он в грешных делах дьяволу и мне компаньон...

Мелания (*встала*). Слова эти... слова твои такие, что ежели владыке Никандру сказать про них...

Булычов. А – в чем я ошибся?

Мелания. Еретик! Подумай – что лезет тебе в нездоровую-то башку? Ведь – понимаешь, ежели бог допустил дьявола соблазнить тебя, – значит, бог от тебя отрекся.

Булычов. Отрекся – а? За что? За то, что я деньги любил, баб люблю, на сестре твоей, дуре, из-за денег женился, любовником твоим был, за это отрекся? Эх ты... ворона полоротая! Каркаешь, а – без смысла!

Мелания (*ошалела*). Да что ты, Егор? Обезумел ты? Господи помилуй...

Булычов. Молишься день, ночь под колоколами, а – кому молишься, сама того не знаешь.

Мелания. Егор! В пропасть летишь! В пасть адову... В такие дни... Все разрушается, трон царев качают злые силы... антихристово время... может –

Страшный суд близок...

Булычов. Вспомнила! Страшный суд... Второе пришествие... Эх, ворона! Взлетела, накаркала! Ступай, поезжай в свою берлогу с девчонками, с клирошанками лизаться! А вместо денег – вот что получишь от меня – на! *(Показывает кукиш.)*

Мелания *(поражена, почти упала в кресло).* Ох, негодяй...

Булычов. Глафира – блудодейка? А – ты? Ты кто?

Мелания. Врешь... Врешь... *(Вскочила.)* Мошеник! Издохнешь скоро! Червь!

Булычов. Прочь! Уходи от греха...

Мелания. Змей... Дьявол...

Булычов*(один, рычит, потирает правый бок, кричит).* Глафира! Эй...

Ксения. Что ты? А Меланья-то где?

Булычов. Улетела.

Ксения. Неужто опять поссорились?

Булычов. Ты надолго уселась тут?

Ксения. Дай же ты мне, Егор, слово сказать! Ты совсем уж перестал говорить со мной, будто я мебель какая! Ну, что ты как смотришь!

Булычов. Валяй, валяй, говори!

Ксения. Что же это началось у нас? Светопреставление какое-то! Зятек у себя, наверху, трактир устроил, с утра до ночи люди толкутся, заседают чего-то;

вчера семь бутылок красного выпили да водки сколько... Дворник Измаил жалуется – полиция одолела его, все спрашивает: кто к нам ходит? А они там всё про царя да министров. И каждый день – трактир. Ты что голову повесил?

Булычов. Валяй, валяй, сыпь! Молодой, я – любил в трактире с музыкой сидеть.

Ксения. Малаша-то зачем приезжала?

Булычов. Врать, Аксинья, ты – не можешь! Глупа для этого.

Ксения. Чего же это я соврала, где?

Булычов. Здесь. Маланья приехала по уговору с тобой о деньгах говорить.

Ксения. Когда же это я уговаривалась с ней, что ты?

Булычов. Ну – ладно! Заткни рот...

Оживленно входят Достигаев, Звонцов, Павлин.

Достигаев. Егор, послушай-ко, что отец Павлин из Москвы привез...

Ксения. Ты бы лег, Егор!

Булычов. Ну, слушаю... отец!

Павлин. Хорошего мало рассказать могу, да, по моему, и хорошее-то – плохо, ибо лучше того, как до войны жили, ничего невозможно выдумать.

Достигаев. Нет, протестую! Не-ет!

Звонцов шепчется с тещей.

Ксения. Плачет?

Достигаев. Кто плачет?

Ксения. Игуменья.

Достигаев. Что же это она?

Булычов. Идите-ко, взгляните, чего она испугалась? А ты, отец, садись, рассказывай.

Достигаев. Интересно, от какой жалости плачет Маланья.

Павлин. Великое смятение началось в Москве. Даже умственно зрелые люди утверждают, что царя надобно сместить, по неспособности его.

Булычов. С лишком двадцать лет способен был.

Павлин. Силы человека иссякают от времени.

Булычов. В тринадцатом году, когда триста лет Романовы праздновали, Николай руку жал мне. Весь народ радовался. Вся Кострома.

Павлин. Это – было. Действительно – радовался народ.

Булычов. Что же такое случилось? Вот и Дума есть... Нет, дело – не в царе... а в самом корне...

Павлин. Корень – это и есть самодержавие.

Булычов. Каждый сам собой держится... своей си-

лой... Да вот сила-то – где? На войне – не оказалось.

Павлин. Дума способствовала разрушению сил.

Елизавета *(в дверях)*. Вы, отец Павлин, исповедуете?

Павлин. Ну, что это, какой вопрос.

Елизавета. А где мой муж?

Павлин. Был здесь.

Елизавета. Какой вы строгий сегодня, отец Павлин.
(Исчезла.)

Булычов. Отец...

Павлин. Что скажете?

Булычов. Всё – отцы. Бог – отец, царь – отец, ты – отец, я – отец. А силы у нас – нет. И все живем на смерть. Я – не про себя, я про войну, про большую смерть. Как в цирке зверя-тигра выпустили из клетки на людей.

Павлин. Вы, Егор Васильевич, – успокойтесь...

Булычов. А – на чем? Кто меня успокоит? Чем? Ну – успокой... отец! Покажи силу!

Павлин. Почитайте Священное писание, Библию; например, Иисуса Навина хорошо вспомнить... Война – в законе...

Булычов. Брось. Какой это – закон? Это – сказка. Солнце не остановишь. Врете.

Павлин. Роптать – величайший грех. Надобно с тихой душою и покорно принимать возмездие за грехов-

ную нашу жизнь.

Булычов. Ты примирился, когда тебя староста, Алексей Губин, обидел? Ты – в суд подал на него, Звонцова адвокатом пригласил, за тебя архиерей вступился! А вот я в какой суд подам жалобу на болезнь мою? На преждевременную смерть? Ты – покорно умирать будешь? С тихой душой, да? Нет, – заорешь, застонешь.

Павлин. Речи такие не позволяет слушать сан мой. Ибо это речи...

Булычов. Брось, Павлин! Ты – человек. Ряса – это краска на тебе, а под ней ты – человек, такой же, как я. Вот доктор говорит – сердце у тебя плохое, ожирело...

Павлин. К чему ведут такие речи? Подумайте и устрашитесь! Установлено от веков...

Булычов. Установлено, да, видно, не крепко.

Павлин. Лев Толстой еретик был, почти анафеме предан за неверие, а от смерти бежал в леса, подобно зверю.

Ксения. Егор Васильевич, Мокей пришел, говорит: Якова ночью жандармы арестовали, так он спрашивает...

Булычов. Ну, спасибо, отец Павлин... за поучение! Я еще тебя... потревожу. Позови Башкина, Аксинья! Скажи Глафире – пусть каши принесет. И – померанцевой.

Ксения. Нельзя тебе водку...

Булычов. Все – можно. Ступай! (*Оглядывается, усмехаясь, бормочет.*) Отец... Павлин... Филин... Тебе, Егор, надо было табак курить. В дыму – легче, не все видно... Ну, что, Мокей?

Башкин. Как здоровье, Егор Васильевич?

Булычов. Все лучше. Якова арестовали?

Башкин. Да, ночью сегодня. Скандал!

Булычов. Одного?

Башкин. Говорят – часовщика какого-то да учительницу Калмыкову, которая Александре Егоровне уроки давала, кочегара Ерихонова, известный бунтарь. Около десятка будто.

Булычов. Все из тех – долой царя?

Башкин. У них это... различно: одни царя, а другие – всех богатых, и чтобы рабочие сами управляли государством...

Булычов. Ерунда!

Башкин. Конечно.

Булычов. Пропьют государство.

Башкин. Не иначе.

Булычов. Да... А – вдруг – не пропьют?

Башкин. А что ж им делать без хозяев-то?

Булычов. Верно. Без тебя да без Васьки Достигаева – не проживешь.

Башкин. И вы – хозяин...

Булычов. Ну, а как же? И я. Как, говоришь, они поют?

Башкин (*вздыхнув*). Отречемся от старого мира...

Булычов. Ну?

Башкин. Отрясем его прах с наших ног...

Булычов. По словам – на молитву похоже.

Булычов. Какая же молитва? Ненавидим, дескать, царя... дворец...

Булычов. Вон что? Н-да... черти драповые! (*Подумал.*) Ну, а тебе чего надо?

Глафира принесла кашу и водку.

Башкин. Мне? Ничего.

Булычов. А зачем пришел?

Башкин. Спросить, кого на место Якова поставить.

Булычов. Потапова, Сергея.

Башкин. Он тоже в этих мыслях – ни бога, ни царя...

Булычов. Тоже?

Башкин. Позвольте предложить – Мокроусова. Он – очень просится к нам. Человек грамотный, распорядительный.

Глафира. Каша остынет.

Булычов. Полицейский? Воряга? Чего же он?

Булычов. Теперь в полиции опасно служить, мно-

гие уходят.

Булычов. Так. Опасно? Ах, крысы... Ладно, пришли Потапова. Завтра утром. Ступай... Глаха, – трубач пришел?

Глафира. В кухне сидит.

Булычов. Съем кашу – веди его сюда. Что это – как тихо в доме?

Глафира. Наверху все.

Булычов (*пьет водку*). Ну – и ладно. Ты что – приуныла?

Глафира. Не пей, не вреди себе, не хворай ты! Брось все, уйди от них. Сожрут они тебя, как черви... заживо сожрут! Уедем... в Сибирь...

Булычов. Пусти, больно...

Глафира. В Сибирь уедем, я работать буду... Ну – что ты здесь, зачем? Никто тебя не любит, все – смерти ждут...

Булычов. Перестань, Глаха... Не расстраивай меня. Я – все знаю, все вижу! Я знаю, кто ты мне... Ты да Шурка, вот это я – нажил, а остальное – меня выжило... Может, еще выздоровлю... Зови трубача, ну-ко...

Глафира. Кашу-то съешьте.

Булычов. Черт с ней, с кашей! Шурку позови... (*Остался один и жадно пьет рюмку за рюмкой.*)

***Входит Трубач. Он смешной,
тощий, жалкий, за плечами – на
ремнях – большая труба в мешке.***

Трубач. Здравия желаю вашему степенству.

Булычов (*удивлен*). Здорово. Садись. Глаха, за-
твори дверь. Вот какой ты...

Трубач. Так точно.

Булычов. Н-ну... неказист! Рассказывай, – как ле-
чишь?

Трубач. Лечение мое простое, ваше степенство,
только люди привыкли питаться лекарствами из апте-
ки и не верят мне, так что я деньги вперед прошу.

Булычов. Это ты неплохо придумал! А вылечива-
ешь?

Трубач. Сотни вылечил.

Булычов. Не разбогател, однако.

Трубач. На добром деле не богатеют.

Булычов. Вон как ты! От каких же болезней выле-
чиваешь?

Трубач. Все болезни одинаково происходят по при-
чине дурного воздуха в животе, так что я ото всех ле-
чу...

Булычов (*усмехаясь*). Храбро! Ну-ко, покажи, тру-
бу-то...

Трубач. Рубль заплатить можете?

Булычов. Рубль? Найдется. Глаха, – есть у тебя?

Получи. Дешево берешь.

Трубач. Это – для начала. *(Развязал мешок, вытащил басовую трубу.)*

Шура прибежала.

Булычов. Самовар какой... Шурок, – хорош цельитель? А ну-ко, подуй!

***Трубач откашлялся, трубит,
не очень громко, кашляет.***

Это и – все?

Трубач. Четыре раза в сутки по пяти минут, и – готово!

Булачов. Выдыхается человек? Умирает?

Трубач. Никогда! Сотни вылечил!

Булычов. Так. Ну, а теперь скажи правду: ты – кем себя считаешь – дураком или жуликом?

Трубач *(вздыхнув)*. Вот и вы не верите, как все.

Булычов *(посмеиваясь)*. Ты – не прячь трубу-то! Говори прямо: дурак или жулик? Денег дам!

Шура. Не надо обижать его, папа!

Булычов. Я не обижаю, Шурок! Тебя как звать, лекарь?

Трубач. Гаврило Увеков...

Булычов. Гаврило? *(Смеется.)* Ох, черт... Неужто – Гаврило?

Трубач. Имя очень простое... никто не смеется!

Булычов. Так – ты кто же: глупый или плут?

Трубач. Шестнадцать рублей дадите?

Булычов. Глаха, – принеси! В спальне... Почему шестнадцать, Гаврило?

Трубач. Ошибся! Надо было больше спросить.

Булычов. Значит – глупый ты?

Трубач. Да нет, я не дурак...

Булычов. Стало быть – жулик?

Трубач. Да и не жулик... Сами знаете: без обмана – не проживешь.

Булычов. Вот это – верно! Это, брат, нехорошо, а – верно.

Шура. Разве не стыдно обманывать?

Трубач. А почему стыдно, если верят?

Булычов *(возбужденно)*. И это – правильно! Понимаешь, Шурка? Это – правильно! А поп Павлин эдак не скажет! Он – не смеет!

Трубач. За правду мне прибавить надо. И – вот вам крест! – некоторым труба помогает.

Булычов. Верю, – двадцать пять дай ему, Глаха.

Давай еще. Давай все!

Трубач. Вот уж... покорно благодарю... Может, попробуйте трубу-то? Пес ее знает... как она, а ей-богу – действует!

Булычов. Нет, спасибо! Ах ты, Гаврило, Гаврило! *(Смеется.)* Ты... вот что, ты покажи, как она... Ну-ко – действуй! Да – потолще!

Трубач напряженно и оглушительно трубит. Глафира смотрит на Булычова тревожно. Шура, зажав уши, смеется.

Сади во всю силу!

***Вбегают Достигаевы,
Звонцовы, Башкин, Ксения.***

Варвара. Что это такое, папаша?

Ксения. Егор, что ты еще затеял?

Звонцов *(Трубачу).* Ты пьяный?

Булычов. Не тронь! Не смей! Глуши их, Гаврило! Это же Гаврило-архангел конец миру трубит!..

Ксения. Ой, ой, помешался...

Башкин *(Звонцову).* Вот видите?

Шура. Папа, ты слышишь? Они говорят – с ума со-

шел ты! Уходите, трубач, уходите!

Булычов. Не надо! Глуши, Гаврило! Светопреставление! Конец миру... Труби-и!..

Занавес

Третий акт

Столовая. Все в ней кажется сдвинутым со своих мест. На столе неубранная посуда, самовар, пакеты из магазина, бутылки. В углу чемоданы, один из них разбирает монастырская служка Таисья в острой шлычке; около нее – Глафира, с подносом в руке. Над столом горит лампа.

Глафира. А надолго мать Мелания к нам?

Таисья. Не знаю я.

Глафира. Почему она у себя на подворье не оставилась?

Таисья. Не знаю.

Глафира. Тебе сколько лет?

Таисья. Девятнадцать.

Звонцов на лестнице.

Глафира. А ничего не знаешь! Что ты – дикая какая?

Таисья. Нам с мирскими не велят говорить.

Звонцов. Игуменья пила чай?

Глафира. Нет.

Звонцов. Возьми, подогрей самовар, на всякий случай.

Глафира уходит, взяв самовар.

Что там вас – солдаты напугали?

Таисья. Солдаты-с.

Звонцов. Чем же они напугали?

Таисья. Корову зарезали, пригрозили поджечь монастырь. Простите. *(Ушла, унося груды белья.)*

Варвара *(из прихожей)*. Слякоть какая! Ты тут с монашенкой беседуешь?

Звонцов. Присутствие игуменьи в нашем доме неудобная штука, знаешь ли?

Варвара. Дом еще не наш... Что, Тятин согласился?

Звонцов. Тятин – осел или притворяется честным.

Варвара. Подожди. Кажется, отец кричит... *(Слушает у двери в комнату отца.)*

Звонцов. Хотя доктора и утверждают, что он – в своем уме, но после этой дурацкой сцены с трубой...

Варвара. Он и не такие сцены разыгрывал, хуже бывало. Между Александрой и Тятиным наладились,

кажется, приятельские отношения?

Звонцов. Да, но – ничего хорошего я в этом не вижу. Сестрица твоя – хитрая штучка, от нее можно ожидать... весьма серьезных неприятностей.

Варвара. Жаль, что ты не сообразил этого, когда она кокетничала с тобой. Впрочем, это тебе было приятно.

Звонцов. Кокетничала она со мной, чтобы позлить тебя.

Варвара. Ты огорчен? Ну, Павлин лезет. Повадились!

Звонцов. Духовенства – избыток у нас.

***Входят, споря, Елизавета,
Павлин, затем – Мокей.***

Павлин. Газеты же, по обыкновению, лгут! Добрый вечер!

Елизавета. А я вам говорю, что это неправда!

Павлин. Установлено вполне точно; государь отказался от престола не по доброй воле, а под давлением насилия, будучи пойман в дороге на Петроград членами кадетской партии... Да-с!

Звонцов. Что же отсюда следует?

Елизавета. Отец Павлин – против революции и за войну, а я – против войны! Я хочу в Париж... Доволь-

но воевать! Ты согласна, Варя? Помнишь, как сказал Анрикатр: «Париж лучше войны». Я знаю, что он не так сказал, но – он ошибся.

Павлин. Не настаиваю ни на чем, ибо все колеблется.

Варвара. Нужен мир, мир, отец Павлин! Вы видите, как ведет себя чернь?

Павлин. Ох, вижу! А что наш больной? Как с этой стороны? *(Прижимает палец к переносью.)*

Звонцов. Доктора не нашли признаков расстройства.

Павлин. Это – приятно! Хотя доктора безошибочно находят токмо одни гонорары.

Елизавета. Какой вы злой! Варя, Жанна приглашает нас ужинать.

Башкин. Арестованных выпустили, а полиция страдает.

Павлин. Да, да... Удивительно! Чего хорошего ожидаете вы от событий, Андрей Петрович, а?

Звонцов. Общественные силы организуются закономерно и скоро скажут свое слово. Под общественными силами я разумею людей, которые обладают прочным экономическим...

Варвара. Слушай-ко, Жанна приглашает нас... *(Отводит его в сторону, шепчет.)*

Звонцов. Ну, знаешь, это меня ставит не очень

удобно! С одной стороны – игуменья, с другой – котка...

Варвара. Да – тише ты!

Башкин. Андрей Петрович, тут – Мокроусов, – знаете, помощник пристава?

Звонцов. Да. Что ему надо?

Башкин. Он службу бросает по причине опасности и просится к нам, в лес.

Звонцов. Удобно ли это?

Варвара. Подожди, Андрей...

Башкин. Очень удобно. Лаптев теперь загнет хвост и бунтовать будет. Донат – сами знаете – человек неподходящий и тоже сектант, все о законе правды бормочет, а уж какая тут правда, когда... сами видите!

Звонцов. Ну, это чепуха! Мы присутствуем именно при начале торжества правды...

Варвара. Да подожди же, Андрей.

Звонцов. И справедливости.

Варвара. Вы чего хотите, Мокей?

Башкин. Я – чтобы нанять Мокроусова. Егор Васильевичу я предлагал.

Варвара. Что же он?

Звонцов, нахмурился, отошел прочь.

Башкин. Определенно не высказался.

Варвара. Возьмите Мокроусова.

Башкин. Может – взглянете на него?

Варвара. Зачем же?

Башкин. Для знакомства. Он – здесь.

Варвара. Ну, хорошо...

Башкин идет в прихожую. Варвара пишет что-то в записной книжке. Башкин возвращается с Мокроусовым; это – человек круглолицый, брови удивленно подняты, на лице – улыбочка, но кажется, что хочет крепко выругаться. В полицейской форме, на боку – револьвер, шаркает ножкой.

Мокроусов. Честь имею представиться. Глубоко благодарен за честь служить.

Варвара. Очень рада. Вы даже в форме, а я слышала, что полицию разоружают.

Мокроусов. Совершенно верно, в естественном виде нам по улице ходить опасно, так что я – в штатском пальто, хотя при оружии. Но сейчас, по случаю возбуждения неосновательных надежд, чернь несколько приутихла, и потому... без шашки.

Варвара. Когда вы думаете начать службу у нас?

Мокроусов. Мысленно – я уже давно покорный ваш слуга. В лес готов отправиться хоть завтра, я одинок и...

Варвара. Вы думаете, надолго это – этот бунт?

Мокроусов. Полагаю – на все лето.

Варвара. Только на лето?

Мокроусов. Потом наступят дожди, морозы, и шляться по улицам будет неудобно.

Варвара (усмехаясь). Едва ли революция зависит от погоды.

Мокроусов. Помилуйте! А как же! Зима – охлаждает.

Варвара (усмехаясь). Вы – оптимист.

Мокроусов. Полиция – вообще оптимисты.

Варвара. Вот как!

Мокроусов. Именно-с. Это от сознания силы-с.

Варвара. Вы служили в армии?

Мокроусов. Так точно. В бузулукском резервном батальоне, имею чин подпоручика.

Варвара (подавая руку). Ну, желаю вам всего хорошего.

Мокроусов (целуя руку). Сердечно тронут. (*Ушел, пятясь задом, притопывая.*)

Варвара (Башкину). Кажется, он – дурак?

Башкин. Это – не грех. Умники-то – вон они как... Им дай волю, так они землю наизнанку вывернут...

Как – вроде – карман.

Павлин (*Башкину, Елизавете*). Духовенству обязательно нужно дать право свободной проповеди, иначе – ничего не получится!

***Глафира, Шура выводят под
руки Булычева. Все замолчали,
смотрят на него; он хмурится.***

Булычов. Ну? Что молчите? Бормотали, бормотали...

Павлин. Поражены внезапностью...

Булычов. Что?

Павлин. Зрелище человека ведомого...

Булычов. Ведомого! Ноги у человека отнимаются, вот его и ведут! Ведомого... Мокей – Яшутку освободили?

Башкин. Да. Всех арестантов освободили.

Звонцов. Политических.

Булычов. Якову Лаптеву свобода, а царя – под арест! Вот как, отец Павлин! Что скажешь, а?

Павлин. Неискушен в делах этих... но – по малому разумению моему – сначала осведомился бы, что именно намерены говорить и делать эти лица...

Булычов. Царя выбирать. Без царя – перегрызетесь вы все...

Павлин. Воодушевленное лицо у вас сегодня, очевидно – преодолеваете недуг?

Булычов. Вот, вот... преодолеваю! Вы, супруги, и ты, Мокей, оставьте-ко нас, меня с Павлином. Ты, Шу-ренок, не уходи.

Башкин ушел в прихожую. Звонцовы и Достигаева – наверх. Минуты через две Варвара, сойдя до половины лестницы, слушает.

Шура. Ты – ляг!

Булычов. Не хочу. Ну что, отец Павлин, ты насчет колокола – что ли?

Павлин. Нет, заглянул в надежде увидеть вас в лучшем положении, в чем и не ошибся. Но, конечно, памятуя щедрые и великодушные в прошлом деяния ваши, направленные к благолепию града сего и храма...

Булычов. Плохо ты молишься за меня, мне вот все хуже. И неохота платить богу. За что платить-то? Плачено немало, а толку нет.

Павлин. Жертвы ваши...

Булычов. Постой! Есть вопрос: как богу не стыдно? За что смерть?

Шура. Не говори о смерти, не надо!

Булычов. Ты – молчи! Ты – слушай. Это я – не о себе.

Павлин. Напрасно раздражаете себя такими мыслями. И что значит смерть, когда душа бессмертна?

Булычов. А зачем она втиснута в грязную-то, темную плоть?

Павлин. Вопрос этот церковь считает не токмо праздным, но и...

Варвара – на лестнице – смеется, прижав платок ко рту.

Булычов. Ты – не икай! Говори прямо. Шура, – трубача помнишь, а?

Павлин. В присутствии Александры Егоровны...

Булычов. Это – брось! Ей – жить, ей – знать! Я вот жил-жил, да и спрашиваю: ты зачем живешь?

Павлин. Служу во храме...

Булычов. Знаю я, знаю – служишь! А ведь придется тебе умирать. Что это значит? Что значит – смерть нам, – Павлин?

Павлин. Вопросаете... нелогично и бесплодно! И – прости-те! Но уже не о земном надо бы...

Шура. Не смейте так говорить!

Булычов. Я – земной! Я – насквозь земной!

Павлин (*встает*). Земля есть прах...

Булычов. Прах? Так вы, мма... Так вы это, что земля – прах, сами должны понять! Прах, а – ряса шелковая на тебе. Прах, а – крест золоченый! Прах, а – жадничаете...

Павлин. Злое и пагубное творите в присутствии отроковицы...

Булычов. От рукавицы, от рукавицы...

Варвара быстро ушла наверх.

Обучают вас, дураков, как собак на зайцев... Разбогатели от нищего Христа...

Павлин. Озlobляет вас болезнь, и, озlobляясь, рычите, подобно вепрю...

Булычов. Уходишь? Ага...

Шура. Напрасно ты волнуешься, от этого хуже тебе. Какой ты... неугомонный...

Булычев. Ничего! Жалеть – нечего! Ух, не люблю этого попа! Ты – гляди, слушай, я нарочно показываю...

Шура. Я сама все вижу... не маленькая, не дура!

Звонцов на лестнице.

Булычов. Они, после трубача, решили, что я с ума

сошел, а доктора говорят: врете! Ты ведь докторам веришь, Шура? Докторам-то?

Шура. Я тебе верю... тебе...

Булычов. Ну, то-то! Нет, у меня разум в порядке! Доктора – знают. Действительно, я наткнулся на острое. Ну, ведь всякому... интересно: что значит – смерть? Или, например, жизнь? Понимаешь?

Шура. Не верю я, что ты сильно болен. Тебе надо уехать из дома. Глафира верно говорит! Надо лечиться серьезно. Ты – никого не слушаешь.

Булычов. Всех слушаю! Вот знахарку попробуем. Вдруг – поможет? Ей бы пора прийти. Грызет меня боль... как тоска!

Шура. Перестань, милый! Не надо, родной мой! Ты – ляг...

Булычов. Лежать – хуже. Лег – значит – сдался. Это – как в кулачном бою. И – хочется мне говорить. Мне надо тебе рассказать. Понимаешь... какой случай... не на той улице я живу! В чужие люди попал, лет тридцать все с чужими. Вот чего я тебе не хочу! Отец мой плоты гонял. А я вот... Этого я тебе не могу выразить.

Шура. Ты говори тише, спокойнее... Говори, как, бывало, сказки мне рассказывал.

Булычов. Я тебе – не сказки, я тебе всегда правду говорил. Видишь ли... Попы, цари, губернаторы... на

кой черт они мне надобны? В бога – я не верю. Где тут бог. Сама видишь... И людей хороших – нет. Хорошие – редки, как... фальшивые деньги! Видишь, какие все? Вот они теперь запутались, завоевались... очумели! А – мне какое дело до них? Булычову-то Егору – зачем они? И тебе... ну, как тебе с ними жить?

Шура. Ты не беспокойся обо мне...

Ксения (*идет*). Александра, к тебе Тоня с братом пришла и этот...

Шура. Подождут...

Ксения. А ты – иди-ко! Мне с отцом поговорить надо...

Булычов. А мне – надо?

Шура. Вы – не очень много – говорите...

Ксения. Учи, учи меня! Егор Васильевич – Зобунова пришла...

Булычов. Шурок, ты потом веди их сюда, молодежь-то... Ну, давай Зобунову!

Ксения. Сейчас. Я хочу сказать, что Александра подружилась с прощелыгой этим, с двоюродным братцем Андрея. Сам понимаешь: это ей не пара. Одного нищего приютили мы, так он – вон как командует.

Булычов. Ты, Аксинья, совсем... как дурной сон, – право!

Ксения. Бог с тобой, обижай! Ты бы запретил ей амурничать с Тятиным-то.

Булычов. А еще что?

Ксения. Мелания у нас...

Булычов. Зачем?

Ксения. Несчастье с ней. Солдаты беглые напали на обитель, корову зарезали, два топора украли, заступ, связку веревок, вон что делается! А Донат, лесник наш, нехороших людей привечает, живут они в бараке, на лесорубке...

Булычов. Заметно, что ежели какой человек приятен мне, так он уж никому не приятен.

Ксения. Ты бы помирился с ней...

Булычов. С Маланьей? Зачем?

Ксения. Да – как же? Здоровье твое...

Булычов. Ладно. Давай... помирюсь! Я ей скажу: «И остави нам долги наша».

Ксения. Ты – поласковее. (*Ушла.*)

Булычов (*бормочет*). «И остави нам долги... „яко же и мы оставляем“... Кругом вранье... Ох, черти...

Варвара. Папаша! Я слышала, как мать говорила о Степане Тятине...

Булычов. Да... Ты – все слышишь, все знаешь...

Варвара. Тятин – скромный, честный человек, он не потребует большого приданого за Александрой и очень хорошая пара для нее.

Булычов. Заботливая ты...

Варвара. Я присмотрелась к нему...

Булычов. О ком ты заботишься? Эх вы... черти домашние!

***Идут Мелания, Ксения, в дверях
остановилась служка Таисья.***

Ну что, Малаша? Помирился, что ли?

Мелания. То-то. Воин! Обижаешь всех... ни за что ни про что...

Булычов. «И остави нам долги наша» – Малаша!

Мелания. Не о долгах речь. Не озоруй! Вон какие дела-то начались. Царя, помазанника божия, свергли с престола. Ведь это – что значит? Обрушил господь на люди своя тьму смятения, обезумели все, сами у себя под ногами яму роют. Чернь бунтуется. Копосовские бабы в лицо мне кричали, мы, дескать, народ! Наши мужья, солдаты – народ! Каково? Подумай, когда это солдаты за народ считались?

Ксения. Это вот все Яков Лаптев доказывает...

Мелания. Губернатора власти лишили, а на место его нотариус Осмоловский посажен...

Булычов. Тоже толстый.

Мелания. Вчера владыко Никандр говорил: «Живем накануне происшествий сокрушительных; разве, говорит, штатская власть возможна? От времен библейских народами управляла рука, вооруженная ме-

чом и крестом...»

Варвара. В библейские времена кресту не поклонялись...

Мелания. А ты помолчи, умница... Евангелие-то в одном переплете с Библией. А крест есть – меч! Туда же! Владыко-то лучше тебя знает, когда чему поклонялись. Вы, честолюбцы, радуетесь падению престола. Не обернулась бы радость в горькие вам слезы. Егорушко, мне с тобой надо бы глаз на глаз поговорить...

Булычов. Эдак – опять поругаемся мы с тобой? Однако – можно и поговорить, ну – после! Сейчас лекариха придет. Выздороветь хочется мне, Малаша!

Мелания. Зобунова – лекариха знаменитая. Докторам – далеко до нее! А потом ты бы с блаженным Прокопием поговорил...

Булычов. Это – которого мальчишки Пропотеем зовут? Жулик он, говорят?

Мелания. Ну, что ты, что ты! Как это можно! Ты прими-ко его...

Булычов. Можно и Пропотей. Мне сегодня что-то лучше... Только вот ноги... Веселее будто. Все что-то смешно... смешным кажется! Зови знахарку, Аксинья.

Ксения ушла.

Мелания. Эх, Егорий... много еще в тебе... осталось!

Булычов. Вот то-то и есть, что много...

Ксения (входя). Она говорит, чтобы все ушли...

Мелания. Ну, надо уйти...

Все ушли. Булычов, усмехаясь, гладит бок, грудь. Входит Зобунова. Незаметно, однако так, чтобы было замечено, она, кривя рот, дует в правую сторону от себя, правая рука прижата к сердцу, а ладонью левой, как рыбьим плавником, отмахивается. Остановилась, провела правой рукой по лицу.

Булычов. Это ты – чертям молишься?

Зобунова (певуче). Ой вы, злые недуги, телесные печали! Отвяжитесь, откачнитесь, от раба божия удалитесь! В сей день, в сей час, отгоняю вас по всю жизнь крепким моим словом во веки веков! Здравствуйтесь, благомилостивый человек, по имени Егорий!..

Булычов. Здравствуй, тетка! Это ты чертей отгоняла?

Зобунова. Что ты, рождёный, разве с ними можно дело иметь?

Булычов. Надо, так можно! Богу – попы молятся, а ты – не поп, ты должна – чертям.

Зобунова. Ну, что это какие страхи ты говоришь! Про меня только глупые рассказывают, будто я с нечистой силой знаюсь.

Булычов. Ну, тогда у тебя, тетка, толку не будет! Попы богу за меня молились, бог – отказался, не помогает мне!

Зобунова. Это ты шутишь, дорогой человек, это ты потому, что не веришь мне.

Булычов. Я бы поверил, если б ты от чертей пришла. Ты ведь, конечно, знаешь, слышала: я распутный, с людьми – жесткий, до денег – жадный...

Зобунова. Слыхала, да не верю, что ты пожалеешь дать мне добрую денежку.

Булычов. Я, тетка, великий грешник, и богу дела нет до меня. Отрекся бог от Егора Булычева. Так что, если ты с чертями не знакома, – иди, выкидыши девкам делать! Это – твое ремесло, так?

Зобунова. Ой, верная слава про тебя, что ты – напористый, озорной человек!

Булычов. Ну? Чего соврать хочешь? Валяй!

Зобунова. Врать не обучена. Ты скажи-ко мне: что у тебя болит, как болит, где?

Булычов. Живот. Сильно болит. Вот здесь.

Зобунова. Видишь ли... только ты не говори никому, ни-ни!

Булычов. Не скажу. Не бойся.

Зобунова. Есть недуги – желтые и есть – черные. Желтый недуг – его и доктор может вылечить, а – черный – ни поп, ни монах не замолят! Черный – это уже от нечистой силы, и против него – одно средство...

Булычов. Сразу: пан или пропал? Так?

Зобунова. Средство это – дорогое!

Булычов. Конечно! Понимаю.

Зобунова. Тут действительно с нечистой силой надобно дело иметь.

Булычов. С самим сатаной?

Зобунова. Ну, не прямо с ним, а все-таки...

Булычов. Можешь?

Зобунова. Только ты – никому ни словечка...

Булычов. Иди к чертям, тетка!

Зобунова. Погоди-ко...

Булычов. Иди прочь, а то ушибу...

Зобунова. Ты послушай-ко...

Глафира (*из прихожей*). Тебе сказано – уходи!

Зобунова. Что это вы какие...

Булычов. Гони ее, гони!

Глафира. Туда же, ведьмой притворяешься!

Зобунова. Ты сама – ведьма! Ишь рожа-то... Эх вы... Ни сна бы вам, ни покоя!

Ушли.

Булычов (*оглядывается, вздыхает*). Ф-фу...

Входят Мелания, Ксения.

Мелания. Не понравилась Зобунова, не угодила?

Булычов молчит, глядя на нее.

Ксения. Она – тоже нравная. Захвалена, зазналась.

Булычов. Малаша, – как думаешь: у бога живот болит?

Мелания. А ты – не дури...

Булычов. У Христа, наверное, болел. Христос рыбой питался...

Мелания. Перестань, Егор. Что ты меня дразнишь?

Глафира. Она денег просит за беспокойство.

Булычов. Дай, Аксинья! Ты, Малаша, извини, я – устал, пойду к себе. С дураками – хуже всего устаешь.

Ну-ко, Глаха, помоги...

Глафира уводит его. Возвратилась Ксения, во-просительно смотрит на сестру.

Мелания. Притворяется он сумасшедшим. Притворяется...

Ксения. Ой ли? Где уж ему...

Мелания. Это – ничего! Пусть играет. Это против него же обернется, если духовное-то завещание судом оспаривать надо будет. Таисья будет свидетельницей, Зобунова, отец Павлин, трубач этот, да мало ли? Докажем, что завещатель не в своем уме был...

Ксения. Ох, уж не знаю, как тут быть...

Мелания. Вот я тебя и учу! Эх ты... Выскочила замуж! Я тебе говорила – выходи за Башкина.

Ксения. Ну... Когда это было! А он-то какой был орел... Ты сама завидовала.

Мелания. Я? Ты что? Очумела?

Ксения. Ну, что уж вспоминать...

Мелания. Господи, помилуй! Завидовала! Я?

Ксения. Как – Прокофья-то? Может – не надо?

Мелания. Почему это – не надо? Призвали, уговорились и – вдруг не надо! Ты – не мешай мне! Иди приготовь его да приведи. Таисья!

Таисья выходит из прихожей.

Ну, что?

Таисья. Ничего не узнала я.

Ксения ушла.

Мелания. Почему?

Таисья. Не говорит она ничего.

Мелания. Как это – не говорит? Ты должна была выпросить.

Таисья. Выспрашивала я, а она – фыркает, будто – кошка. Ругает всех.

Мелания. Как ругает?

Таисья. Жуликами.

Мелания. За что же она?

Таисья. С ума, говорит, хотите свести человека...

Мелания. Это она тебе сказала?

Таисья. Нет, Пропотею, блаженному.

Мелания. А он – что?

Таисья. Он все прибаутки говорит...

Мелания. Прибаутки?... Ах ты... лапоть! Он – блаженный, прорицает, дура! Сядь в прихожей, не уходи никуда... В кухне был еще кто-нибудь?

Таисья. Мокей...

Мелания. Ну, ступай. *(Подходит к дверям комнаты Булычева, стучит.)* Егорий, блаженный пришел.

Идет, сопровождаемый Ксенией и Башкиным, Пропотей, в лаптях, в длинной до щиколоток, холщовой рубахе, со множеством медных крестов и образков на груди.

Страховиден: густые, встрепанные волосы, длинная, узкая, редкая борода, движения резки и судорожны.

Пропотей. Ух, накурено! Душа задыхается...

Ксения. Тут, батюшка, никто не курит.

Пропотей гудит, подражая зимнему ветру.

Мелания. Ты – погоди, дай выйти...

Булычов *(его ведет под руку Глафира).* Ишь ты, какой... явился!

Пропотей. Не бойся. Не страшись. *(Гудит.)* Все тлен, все пройдет! Жил Гриша, лез выше, стукнулся в потолок, – черт его и уволок.

Булычов. Это – про Распутина, что ли?

Пропотей. Вот – низвергнут царь, и погибает царство, идо же царствует грех, смерть и смрад! Гудит метелица, гудит распутица. (*Гудит. Указывает посохом на Глафиру.*) Дьявол во образе женском рядом с тобой – отгони.

Булычов. Я те отгоню! Болтай, да знай меру. Маланья, это ты, что ли, обучила его?

Мелания. Что выдумываешь? Разве безумного можно научить?

Булычов. Похоже, что можно...

С лестницы бежит Шура, за нею Антонина, Тятин. Постепенно сверху спускаются Звонцовы, Достигаевы. Пропотей молча чертит палкой в воздухе и на полу. Стоит задумчиво, опустив голову.

Шура (*подбегая к отцу*). Это что еще? Что за представление?

Мелания. А ты – молчи!

Пропотей (*как бы с трудом*). Не спит еретик, а часики – тик да тик!.. Кабы – бог... да – кабы мог... да я – не плох, да, да! А – чья беда? Играй, сатана, тебе – воля дана! Стукнула полночь... спел петух ку-ка-реку... тут – конец еретику...

Булычов. Складно тебя научили...

Мелания. Не мешай, Егор, не мешай!..

Пропотей. Что делать будем?.. Что скажем людям?

Антонина *(с сожалением)*. Он – не страшный...

Нет!

Пропотей. Убили гниду – поют панихиду. А может, плясать надо? Ну-ко, спляшем и нашим и вашим!

(Притопыивает, напевая, сначала – негромко, затем

все более сильно, и – пляшет.) Астарот, Сабатан,

Аскафат, Идумей, Неумней. Не умей, карра тили –

бом-бом, бейся в стену лбом, лбом! Эх, юхала, юхала,

ты чего нанюхала? Дыб-дыб, дым, дым! Сатана игра-

ет им! Згин-гин-гин, он на свете один, его ведьма За-

катама в свои ляшки закатала! От греха, от блуда не

денешься никуда! Вот он, Егорий, родился на горе...

Шура *(кричит)*. Прогоните его!

Булычов. Вы что... черт вас... испугать меня хотите?

Звонцов. Надо прекратить это безобразие...

Глафира подбегает к Пропотею,

он, не переставая кружиться,

замахнулся на нее палкой.

Пропотей. Их, эх, ох, ах! ух-чух, злой дух...

Тятин вырвал палку из руки Пропотей.

Мелания. Да ты – что? Да ты – кто?

Шура. Отец, прогони всех... Что ты молчишь?

Булычов*(машет руками)*. Погоди... погоди...

Пропотей сел на пол, гудит, взвизгивает.

Мелания. Его – нельзя трогать! Он – в наитии... в восторге!

Достигаев. За такие восторги, мать Меланья, по шее бьют.

Звонцов. Вставай и уходи... живо!

Пропотей. А – куда? *(Гудит.)*

Ксения плачет.

Елизавета. Как это он ловко... в два голоса!

Булычов. Идите... прочь, все! Нагляделись...

Шура *(топая на блаженного)*. Уходи, урод! Степа, выгоните его!

Тятин *(берет Пропотей за шиворот)*. Идем, святой... вставай!

Таисья. Он сегодня не больно страшно... он гораз-

до страшнее умеет это делать. Кабы ему вина дали...

Мелания. Ты – что болтаешь? (*Бьет ее по щеке.*)

Звонцов. Как вам не стыдно?

Мелания. Кого? Тебя стыдно?

Варвара. Успокойтесь, тетя...

Ксения. Господи... Ну, что же?

***Шура и Глафира укладывают
Булычова на диван, Достигаев
внимательно рассматривает его.
Звонцовы уводят Ксению с Меланией.***

Достигаев (жене). Едем домой, Лиза, домой! Булычов – нехорош! Весьма... И демонстрация идет... На-добно примкнуть.

Елизавета. Как это он гудел, а? Ничего подобного не воображала...

Булычов (Шуре). Все это – игуменья придумала...

Шура. Тебе нехорошо?

Булычов. Она... Вроде панихиды... по живому...

Шура. Скажи – нехорошо тебе? Послать за доктором?

Булычов. Не надо. А насчет царства паяц этот от себя махнул... Кабы – бог да кабы мог, – слышала? Не может!

Шура. Все это надобно забыть...

Булычов. Забудем! Ты взгляни-ка, что они там...

Глафиру не обидели бы... Чего на улице поют?

Шура. Ты не вставай!

Булычов. И погибнет царство, где смрад. Ничего не вижу... *(Встал, держась за стол, протирает глаза.)* Царствие твое... Какое царствие? Звери! Царствие... Отче наш... Нет... плохо! Какой ты мне отец, если на смерть осудил? За что? Все умирают? Зачем? Ну, пускай – все! А я – зачем? *(Покачнулся.)* Ну? Что, Егор? *(Хрипло кричит.)* Шура... Глаха – доктора! Эй... кто-нибудь, черти! Егор... Булычов... Егор!..

Шура, Глафира, Тятин, Таусья – Булычов почти падает навстречу им. За окнами – густо поют. Глафира, Тятин поддерживают Булычова. Шура – бежит к окну, открывает его, врывается пение.

Булычов. Чего это? Панихида... опять отпевают! Шура! Кто это?

Шура. Иди сюда, иди... смотри!

Булычов. Эх, Шура...

Занавес

1932